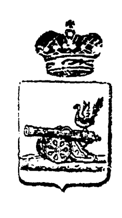
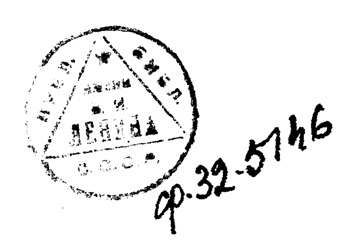
И. И. Орловскій.

Смоленскъ и его стѣны.

Краткая исторія Смоленска и его крѣпости.

(Къ 300-лѣтнему юбилею городской стѣны).

СМОЛЕНСКЪ.
Паровая тип.-лит. Я. Н. Подземскаго.
1902.

Печатано съ разрѣшенія Г. Смоленскаго Губернатора.

СМОЛЕНСКЪ
И
ЕГО СТѢНЫ.

I.

„Смоленскъ — отчина наша изначала, отъ предковъ“.
Іоаннъ Грозный.

Древенъ и славенъ городъ Смоленскъ и мало ровесниковъ у него среди рускихъ городовъ.

Кѣмъ и когда онъ построенъ, никому не изизвѣстно. Объ основаніи Кіева древній лѣтописецъ приводитъ народное преданіе, а объ основаніи Смоленска къ его времени уже и преданія были позабыты!

Задолго до начала русскаго государства на мѣстѣ нынѣшняго Смоленска поселились Кривичи «верховые вои», устроили деревянный «городокъ» на соборномъ холмѣ и стали землю пахать, лѣса рубить лодки строить да развозить свои и чужіе

товары внизъ по Днѣпру до Чернаго моря и дальше, до самаго Цареграда. Пріѣзжали и въ Смоленскъ иноземные купцы со всѣхъ сторонъ съ своими товарами.

На Смоленской пристани, что была за нынѣшнею Свирскою церковью, при впаденіи рѣчки Смядыни въ Днѣпръ, можно было увидѣть и цареградскаго грека, и скандинавскаго варяга, и болгара съ береговъ Волги, и араба изъ за Хвалынскаго или Каспійскаго моря. Смоленскъ стоялъ на бойкомъ мѣстѣ, такъ какъ въ немъ сходились торговыя водныя дороги: одна шла «изъ Варягъ въ Греки»—изъ Балтійскаго моря черезъ Неву, Волховъ, Ловать, и Днѣпръ въ Черное море, другая—въ «Болгары и Хвалынское море» черезъ Днѣпръ и притоки Волги—Вазузу, Оку съ Угрою и др., третья—«въ Нѣмцы» изъ Днѣпра въ Двину и Рижскій заливъ.

Иноземные купцы, поторговавши въ Смоленскѣ, чинили здѣсь свои лодки, конопатили ихъ и смолили, чтобы отправиться съ товарами дальше по Днѣпру. Оттого, говорятъ, и Смоленскъ свое названіе получилъ, что здѣсь смолили лодки, а Смоляне продавали купцамъ смолу. Изъ одной рѣки въ другую лодки перетаскивали «волокомъ».

по землѣ на деревянныхъ каткахъ или колесахъ, и отъ этого онѣ портились и разползались по швамъ.

Отъ торговли иноземной Смоленскъ разбогатѣлъ и разросся по сосѣднимъ холмамъ. Смоляне окружили его земляными валами, и сталъ Смоленскъ къ началу Русскаго государства большимъ и крѣпкимъ городомъ. Когда Аскольдъ и Диръ плыли мимо Смоленска внизъ по Днѣпру, къ Кіеву, хотѣли она завладѣть этимъ городомъ, но такъ и не отважились: «зане градъ великъ и многъ бѣ людьми» говоритъ лѣтописецъ.

Смоляне въ то время никому не платили дани и управлялись сами собой. У подошвы соборнаго холма висѣлъ вѣчевой колоколъ, и по звуку въ него собирались граждане на торговую площадь, у берега Днѣпра, на вѣче и здѣсь всѣмъ міромъ рѣшали свои дѣла.

Въ 882 г., т. е. черезъ 20 лѣтъ послѣ призванія варяговъ, «могучій и вѣщій» Олегъ хитростію овладѣлъ Смоленскомъ, и съ тѣхъ поръ Смоленскъ сдѣлался городомъ юнаго русскаго государства. Смоленскомъ стали править вмѣстѣ съ вѣчемъ намѣстники русскихъ князей. Въ 989 г. Великій Князь Владиміръ—Красное Солнышко отдалъ Смоленскъ своему маленькому сыну Станиславу,

который и былъ первымъ Смоленскимъ княземъ, хотя въ Смоленскъ онъ по малолѣтству не пріѣхалъ, и потомъ вскорѣ умеръ.

Послѣ крещенія Кіевлянъ Владиміръ Святой отправился въ 990 г. изъ Кіева по Днѣпру въ Новгородъ. Съ нимъ былъ и первый русскій митрополитъ Михаилъ. Они просвѣтили Смолянъ св. крещеніемъ, а языческаго идола Волоса, что стоялъ на Вознесенской горѣ, велѣли бросить въ Днѣпръ.

Не сразу забыли Смоляне свою старую языческую вѣру. Когда умеръ Владиміръ святой, его сынъ Святополкъ Окаянный сталъ избивать своихъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ, Глѣбъ былъ убитъ въ Смоленскѣ, и полуязычники Смоляне не помѣшали этому злому дѣлу. Св. Глѣбъ былъ княземъ въ Муромѣ. Получивъ отъ Святополка вѣсть о смерти отца, онъ поѣхалъ въ Кіевъ. Въ Смоленскѣ онъ остановился съ своими «кораблецами» и «насадами» въ Смядынской бухтѣ, и здѣсь получилъ вѣсть объ убійствѣ Святополкомъ брата своего Бориса. Когда Глѣбъ, оплакивая отца и брата, молился, явились подосланные Святополкомъ убійцы и схватили его ладью. Дружина Муромская оробѣла; начальникъ злодѣевъ Горя-

сѣръ велѣлъ умертвить князя, и собственный поваръ Глѣба, по имени Торчинъ, зарѣзалъ его ножемъ. Это случилось 5 сентября 1015 г. Тѣло св. Глѣба положили между двухъ колодъ и прикрыли хворостомъ, и лишь черезъ 4 года Вел. Князь Ярославъ Мудрый, братъ Глѣба, нашелъ его нетлѣннымъ и перевезъ къ Кіеву, въ Вышгородъ, гдѣ и похоронилъ вмѣстѣ съ тѣломъ св. Бориса. На мѣстѣ убіенія св. Глѣба былъ построенъ въ 1145 г. Борисоглѣбскій монастырь, отъ котораго теперь остались однѣ развалины. Недалеко отъ нихъ, на берегу высохшей рѣчки Смядынки стоитъ древній колодецъ, къ которому изъ Свирской церквки 5 сентября бываетъ крестный ходъ.

Послѣ смерти Ярослава Мудраго (1054 г.) Смоленскъ достался его сыну Вячеславу, а потомъ Игорю. Съ этого времени въ Смоленскѣ оживутъ свои удѣльные князья. Изъ князей Смоленскихъ оставили по себѣ добрую память слѣдующіе:

1) Внукъ Ярослава, *Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ*, за родомъ котораго Смоленскъ былъ закрѣпленъ на Любечскомъ съѣздѣ князей. Мономахъ построилъ въ Смоленскѣ каменный Ус-

пенскій соборъ и поставилъ въ немъ въ 1103 г. Чудотворную икону Божіей Матери Одигитріи. Эта икона, по преданію была написана Евангелистомъ Лукою, была весьма чтима въ Греціи, и досталась Мономаху отъ его матери, греческой царевны Анны. Икона сдѣлалась главной святыней Смоленска и покровительницей города, который въ лѣтописяхъ такъ и называется «градомъ Богоматери».

2) Внукъ Мономаха, *Ростиславъ Мстиславичъ* основалъ въ Смоленскѣ въ 1137 г. Епископскую каѳедру; и устроилъ кромѣ Бобисоглѣбскаго монастыря, 3 каменныхъ церкви: Петропавловскую (1146), Ильинскую и Козьмодемьянскую. За свое благочестіе онъ прозванъ *Набожнымъ*.

3) Его сынъ *Романъ* отличался необыкновеннымъ милосердіемъ и любовью къ просвѣщенію. Онъ построилъ Богословскую церковь и при ней училище, гдѣ обучали Русскому, Латинскому и Греческому языкамъ. На школы и книги онъ потратилъ всѣ свои средства, и когда умеръ, его похоронить было не на что. Благодарные Смоляне похоронили его въ соборѣ на общественный счетъ и долго оплакивали этого добраго князя.

4) Братъ Романа, «*Благовластный*» *Давидъ*.

Ростиславичъ, хотя не ладилъ съ Смоленскимъ вѣчемъ, но былъ правосуденъ и твердъ, и отличался воинскими доблестями, что однако не мѣшало ему любить и читать книги и быть благочестивымъ человѣкомъ. Онъ построилъ въ 1194 г. Свирскую церковь, подобной которой въ то время не было во всей сѣверной Руси. Въ эту церковь онъ ежедневно ходилъ молиться изъ своего дворца, стоявшаго возлѣ нея къ юго-западу. Онъ умеръ въ 1197 г. въ любимомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, принявъ передъ смертью монашество. Его каменный гробъ, найденный въ развалинахъ этого монастыря въ 1833 г., хранится въ Свирской церкви.

Въ правленіе Давида развилась сильно торговля Смолянъ съ нѣмцами изъ Риги, Бремена, Любека и др. городовъ. Нѣмцы имѣли тогда въ Свирскомъ посадѣ свои склады и молитвенный домъ.

5) Внукъ Ростислава, *Мстиславъ Романовичъ Старый*, при которомъ жилъ преп. Аврамій Смоленскій, мужъ праведный и незлобивый страдалецъ, молитвенникъ за г. Смоленскъ.

6) Другой внукъ Ростислава *Мстиславъ Удалой*,

самый храбрый изъ всѣхъ русскихъ князей. Онъ погибъ въ битвѣ на Калкѣ (1124 г.).

7) *Ростиславъ II*, правнукъ Ростислава Мстиславича; при немъ напали на Смоленскъ татары въ 1238 г., но были отражены св. муч. Меркуріемъ, который и самъ погибъ въ борьбѣ съ татарами [1]). По преданію, сама Богоматерь послала его на этотъ подвигъ. Передъ своею мученической кончиной онъ слышалъ гласъ съ неба: «Дерзай, рабе мой Меркуріе: Азъ градъ свой соблюду невредимъ отъ варваръ до конца вѣка».

8) Сынъ Ростислава II, *Ѳедоръ Ростиславичъ* жилъ почти все время въ Ярославлѣ, доставшемся ему за женою. Онъ причисленъ съ своими сыновьями Давидомъ и Константиномъ къ лику святыхъ. «Смоленскъ блажитъ князя Федора» говоритъ лѣтописецъ. И теперь еще его чтутъ пчеловоды, какъ своего покровителя.

Его намѣстникъ, князь *Андрей*, ушелъ изъ Смоленска отъ зависти братьевъ въ Переяславль и тамъ 30 лѣтъ жилъ при церкви въ качествѣ

---

[1]) Въ память этого Смоляне поставили на мѣстѣ кончины его за Молоховскими воротами столпъ. Мощи св. Меркурія лежали въ соборѣ до 1611 г. теперь тамъ только его шишакъ и желѣзная обувь.

сторожа. Только послѣ его смерти узнали, что онъ былъ князь Смоленскій. За свою добрую жизнь причисленъ къ лику святыхъ.

Послѣдніе Смоленскіе удѣльные князья ссорились между собою. Отъ этого Смоленское княжество ослабѣло, и сосѣдніе Литовскіе князья задумали овладѣть имъ.

Въ 1404 г. Литовскій князь Витовтъ всю весну стоялъ подъ Смоленскомъ съ пушками [1], но сколько ни старался, не могъ взять города «бѣ бо Смоленскъ крѣпокъ вельми». Въ іюлѣ того же года, когда Смоленскаго князя Юрія не было дома, Витовтъ снова осадилъ Смоленскъ и при помощи голода заставилъ жителей сдаться ему.

Такъ пало знаменитое Великое Княжество Смоленское, «отчина» Мстислава, Мономахова внука. Оно занимало, кромѣ нынѣшней Смоленской губерніи, сосѣднія части губерній Могилевской, Витебской, Псковской, Тверской, Московской и Калужской. Въ удѣльный періодъ оно поддерживало единство Руси, связывая собою разрозненныя княжества южной и сѣверной

[1] Здѣсь в ервые См ·ляне увидѣли пушки.

Руси. И въ этомъ была его важная заслуга передъ русской землей.

Подъ властью литовцевъ Смоленскъ былъ 110 лѣтъ. Такъ какъ литовцы еще раньше позаимствовали отъ своихъ сосѣдей Русскихъ и православную вѣру, и русскій языкъ, и письменность, и нѣкоторые обычаи и законы, то Смолянамъ легко и свободно жилось подъ ихъ властью.

Литовскіе князья, хотя и были, начиная съ Витовта, котолики, но не трогали Православной вѣры и надѣляли Смолянъ разными льготами. Смоленскъ продолжалъ процвѣтать и богатѣть. И Смоляне храбро сражались подъ знаменами Витовта противъ нѣмцевъ: въ знаменитой Грюнвальденской битвѣ Смоленскіе полки склонили побѣду на сторону Витовта.

Литовцы окружили Смоленскъ новою линіею валовъ съ деревянными стѣнами. Часть этихъ валовъ сохранилась и до нынѣ возлѣ Годуновской стѣны.

Но владычество Литовцевъ въ Смоленскѣ не нравилось Московскимъ князьямъ и они, свергнувъ татарское иго, стали подумывать о возвращеніи Смоленска къ русскому государству.

Въ 1514 году Великій князь Московскій Василій III осадилъ Смоленскъ и такъ стѣснилъ его, что воеводы литовскіе, по требованіи Смолянъ, сдали городъ Василію. «Земля наша и отчина твоя пустѣетъ, сказали Смоляне царю, прими градъ сей съ тихостью!». На цѣлыхъ 97 лѣтъ Смоленскъ снова сталъ русскимъ городомъ.

II.

А Смоленскъ-то построеньице
не Литовское,
А Смоленскъ-то построеньице
Московское.
Изъ народной былины.

Въ 1569 г. Литва соединилась съ Польшею въ одно государство, и отъ этого въ Литвѣ распространились польскіе обычаи и католическая вѣра. Литовцы и особенно Поляки стали стремиться къ тому, чтобы завладѣть Смоленскомъ. Какъ городъ крѣпкій и притомъ пограничный, Смоленскъ былъ очень нуженъ Полякамъ: онъ былъ ключемъ ко всей Днѣпровской области и главнымъ оплотомъ Московскаго государства. Но по этой же самой причинѣ Московскіе князья крѣпко держались за Смоленскъ и боялись какъ бы не упустить изъ своихъ рукъ такого важна-

го города. И вотъ царь Θеодоръ Іоанновичъ, сынъ Грознаго, рѣшилъ по совѣту своего умнаго правителя, Бориса Годунова, укрѣпить Смоленскъ какъ можно лучше. Въ 1587 г. заложили въ Смоленскѣ каменную стѣну, но почему то постройка ея остановилась. И только въ 1595 г. за за дѣло взялся самъ «ближній великій бояринъ» Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Въ Смоленскъ былъ присланъ изъ Москвы городовой мастеръ Θодоръ Савельевъ Конь съ боярами и дьяками. Имъ велѣно заготовлять матеріалы для стѣны.

Благословясь у Смоленскаго Архіепископа Θеодосія, они приступили къ дѣлу. Всѣ кирпичные сараи возлѣ Смоленска были отписаны въ казну. За Петропавловской церковью, въ Офицерской слободѣ, въ Гнѣздовѣ и другихъ мѣстахъ выстроены были новые кирпичные сараи и обжигальныя печи. Кирпичъ дѣлали и обжигали круглый годъ. Со всѣхъ почти городовъ русскихъ согнали въ Смоленскъ рабочихъ и возчиковъ. Известь брали въ с. Верховьѣ на Обшѣ за 200 в. отъ Смоленска, а бѣлый камень за 342 в. въ г. Старицѣ Тверск. г. и Рузѣ Московской губ. За все казна платила чистыми деньгами и только сваи доставлялись безплатно, по повин-

ности крестьянами дворцовыхъ селъ (Порѣчья, Каспли, Сычевки, Духовщины, Ельни, Краснаго, Рубихина и др.).

Работа быстро закипѣла. Трудно себѣ представить, какое оживленіе царило тогда въ Смоленскѣ. Всюду лежали груды матеріала—кирпичей, камней, извести, бревенъ, досокъ, желѣза, всюду копошились рабочіе, тянулись по дорогамъ конныя подводы, расхаживали царскіе бояре и чиновники, или дьяки. Въ 1596 году пріѣхалъ въ Смоленскъ бояринъ Борисъ Годуновъ, указалъ мѣста для рвовъ подъ стѣны и въ своемъ присутствіи заложилъ крѣпость.

Черезъ 2 года Борисъ Годуновъ вступилъ на престолъ. Когда онъ извѣстилъ польскаго короля Сигизмунда о своемъ избраніи, послы польскіе пріѣхали въ Москву и заявили новому царю, что княжество Смоленское должно быть отдано Польшѣ. Видя такія притязанія Поляковъ и зная, что въ 1603 году истекаетъ срокъ 12-лѣтняго перемирія съ Польшей, царь Борисъ сталъ спѣшить съ окончаніемъ Смоленской стѣны. Въ 1600 году онъ прислалъ въ Смоленскъ 20000 р. (на наши деньги это будетъ въ 100 разъ больше, т. е. 2 милліона), велѣлъ набавить жалованье

рабочимъ, велѣлъ принимать на постройку всѣхъ желающихъ (въ то время случился на Руси страшный голодъ), и вотъ въ 1602 году стѣна была окончена. Работы хватило бы и еще на годъ, но уже появился самозванецъ, который, по слухамъ, уже пообѣщалъ подарить одну половину Смоленскаго княжества своему будущему тестю воеводѣ Мнишку, а другую королю Сигизмунду. Медлить было некогда, и на сѣверо-восточной сторонѣ стѣну дѣлали позднею осенью, наскоро, и потому неособенно прочно. Осенью 1602 года стѣну освятили, причемъ на главныхъ воротахъ города, Днѣпровскихъ, поставили въ нишѣ большую икону Божіей Матери—Одигитріи, копію съ соборной иконы, присланную изъ Москвы царемъ Борисомъ Смоленску, какъ образъ Покровительницы града и Небеснаго Стража новой крѣпости.

Каменная стѣна сплошнымъ кольцомъ окружала Смоленскъ на протяженіи цѣлыхъ 6 верстъ. Она имѣла до 7 саженъ въ высоту и до 3 въ толщину, тысячи красивыхъ зубьевъ съ бойницами украшали ее. На зубцы опиралась двускатная деревянная крыша. Въ стѣнѣ были устроены въ два яруса печуры или амбразуры съ бой-

ницами для пушекъ. Она имѣла тридцать восемь красивыхъ и высокихъ башенъ, круглыхъ и четыреугольныхъ, которыя грозно смотрѣли съ вершины высокихъ холмовъ своими бойницами въ три яруса, или боя. 4-й бой былъ между башенныхъ зубцовъ. Въ башняхъ было устроено девять проѣзжихъ воротъ, надъ которыми, по православному русскому обычаю, снаружи и извнутри города, стояли св. иконы въ особыхъ углубленіяхъ. Для пѣшеходовъ въ стѣнѣ были сдѣланы форточки, а для стока воды изъ разныхъ «ручьевъ»—каменныя со сводами трубы. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ подъ стѣною были сдѣланы подземные ходы.

III.

Смоленскъ—ожерелье Руси.
Борисъ Годуновъ.

Укрѣпленный по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, Смоленскъ съ этихъ поръ сдѣлался оплотомъ Русскаго государства, его главною твердынею и защитою противъ западныхъ враговъ— Поляковъ и Литовцевъ. Не даромъ Борисъ Годуновъ, заложивши стѣну, докладывалъ царю Ѳеодору: «Построимъ мы такую красоту неиз-

глаголанную, что подобной ей не будетъ во всей поднебесной. Однѣхъ башенъ на стѣнѣ 38, и поверху ея свободно поѣзжай на тройкѣ. Какъ на важной боярынѣ красовито лежитъ многоцѣнное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, такъ Смоленская стѣна станетъ теперь ожерельемъ всей Руси Православной на зависть враговъ и на гордость Московскаго государства».

Прошло съ тѣхъ поръ ровно триста лѣтъ, и каждое изъ этихъ трехъ столѣтій начиналось для Руси не добромъ, а страшною бѣдой—вражескимъ нашествіемъ. Три раза Русь, казалось, готова была погибнуть, два раза враги проникали въ самое сердце ея—Москву, кровь лилась по Русской землѣ, и каждый разъ стѣны Смоленскія служили родинѣ свою вѣрную службу, каждый разъ, благодаря имъ, ограбленная, обезсиленная Русь снова поднимала голову и справлялась съ врагами. Два раза Смоленскъ погибалъ самъ, защищая своими стѣнами родину: жители его умирали подъ непріятельскими ядрами, дома ихъ были сожжены, Смоленскія стѣны разрушены,—и снова Смоленскъ, какъ сказочный фениксъ возставалъ изъ пепла, и снова продолжалъ нести свою тяжелую сторожевую службу.

Не было и нѣтъ на Руси другого такого города, и не даромъ его прозвалъ народъ «многострадальнымъ Смоленскомъ», не даромъ Великая Императрица Екатерина II-я назначила ему въ гербѣ черную пушку, какъ знакъ его вѣковой службы, а на пушкѣ—легендарную птицу Фениксъ, въ знакъ вѣковыхъ страданій этого города за св. Русь.

Въ 1602 г. Борисъ Годуновъ окончилъ Смоленскую стѣну. Видно не въ добрый часъ похвалялся онъ передъ царемъ Ѳеодоромъ. Тогда еще на его слова князь Трубецкой при самомъ царѣ откровенно молвилъ: «какъ въ томъ ожерельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ и не выжить»! Словно напророчилъ старый князь несчастіе Смоленску да и всей Руси. Въ 1604 году изъ Польши явился на Русь самозванецъ Лжедимитрій, и началось Смутное время, которое смело съ лица русской земли и самого Бориса, и царскую власть, и гражданскій порядокъ. Со всѣхъ сторонъ налетѣли враги на Русскую землю. Кто шелъ сюда за царскимъ вѣнцомъ, кто награбить добычу и распотѣшить свою удаль. Сосѣдъ Московскаго государства, польскій король Сигизмундъ III-й понялъ, что теперь настало для

него самое удобное время не только захватить Смоленскъ, но и сѣсть на Русскій престолъ.

И вотъ, объявляя себя «наиближайшимъ родичемъ Московскаго государства», онъ двинулъ свои войска на Русь «для славы Божіей и для распространенія святой католической вѣры». 13-го сентября 1609 года онъ явился подъ стѣнами Смоленска и потребовалъ себѣ отъ Смолянъ крестнаго цѣлованія. Смоляне отвѣчали королю:

— «У насъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистой Богородицы: за православную вѣру, за святыя церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а Литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться».

И началась 20-ти мѣсячная осада Смоленска. Смоленскимъ воеводою и защитникомъ города тогда былъ мужественный, твердый духомъ и умный бояринъ Михайло Борисовичъ Шеинъ. Онъ сжегъ посады, оградилъ ворота деревянными срубами и распредѣлилъ защитниковъ Смоленска по стѣнѣ и башнямъ. А защитниковъ этихъ всего было 2462 человѣка съ 170-ю пушками противъ 28 тысячъ непріятельскаго войска. Сначала Сигизмундъ хотѣлъ взять Смоленскъ приступомъ. Но всѣ три приступа (къ Копытецкимъ, Пятниц-

кимъ и Фроловскимъ воротамъ) были успѣшно отбиты русскими. Тогда прибѣгли къ подкопамъ, но русскіе при посредствѣ подземныхъ ходовъ узнавали о подкопахъ и взрывали ихъ. На другой годъ полякамъ все-таки удалось взорвать круглую башню и 10 саж. стѣны на мѣстѣ нынѣшняго Лопатинскаго сада; но русскіе трижды выгоняли поляковъ изъ пролома и потомъ задѣлали его землей. Тогда снова приступили къ переговорамъ и увѣщаніямъ. Смоляне твердили одно: «умремъ всѣ, а не сдадимся». Архіепископъ Сергій даже снялъ съ себя ризы, положилъ посохъ и объявилъ народу, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ. А Шеинъ объявилъ Полякамъ, что если они впередъ будутъ подъѣзжать къ стѣнамъ съ воровскими рѣчами, то прикажетъ стрѣлять въ нихъ.

Пошелъ 20-й мѣсяцъ осады. Жители страдали отъ голода и мора, умирали тысячами, гибли отъ ядеръ, но и не думали о сдачѣ. Наоборотъ— они первые послали грамоты Русскимъ городамъ, призывая въ нихъ всѣхъ Русскихъ людей бодро встать на защиту своей родины. Эти грамоты подняли ополченіе русскихъ городовъ; еще немного, и Смоленскъ былъ бы спасенъ. Но одинъ

измѣнникъ погубилъ все дѣло. Это былъ Андрей Дѣдѣшинъ, боярскій сынъ, родомъ изъ г. Бѣлаго, бывшій не разъ съ послами въ Польшѣ. Онъ убѣжалъ въ лагерь Сигизмунда и указалъ ему мѣсто, гдѣ стѣна была строена осенью наскоро и непрочно. Здѣсь Поляки выстрѣлами изъ пушекъ сдѣлали брешь и въ полночь на 3-е іюля 1611 года пошли къ стѣнамъ на приступъ сразу съ трехъ сторонъ: на Королевскій проломъ, на Пятницкія ворота и на Крылошевскія ворота (отъ Рачевки). Главныя силы Поляковъ ворвались въ городъ у Крылошевскихъ воротъ и чрезъ Королевскій проломъ. Улица между этими проломами—Рѣзницкая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ боя, или точнѣе рѣзни истомившихся защитниковъ Смоленска.

«Бились долго, говоритъ Карамзинъ, въ развалинахъ, на стѣнахъ города, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ. Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, построенному Мономахомъ, гдѣ заперлись многіе изъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховой казною. Уже не было спасенія! Русскіе зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ съ дѣтьми, имѣніемъ и сла-

вою. Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ [1]), и не Польша, а Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ.

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ, и противился Ляхамъ: доблестный Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтній: тронутый ихъ мольбами, Шеинъ объявилъ, что сдается вождю Ляховъ—и сдался Потоцкому».

Остатки круглой башни, гдѣ защищался Шеинъ, видны и теперь по Казанской улицѣ, возлѣ провіантскаго магазина.

Шеина въ цѣпяхъ отвезли въ Варшаву вмѣ-

---

[1]) Жители Сагунта (въ Испаніи), осажденнаго Ганнибаломъ, зажгли свой городъ и сами бросились въ огонь (218 г. до Р. Хр.).

стѣ съ архіепископомъ Сергіемъ и другимъ воеводою, княземъ Горчаковымъ.

Сигизмундъ такъ обрадовался взятію Смоленска, что забылъ и про Москву—главную цѣль своего похода, и вернулся въ Варшаву, чтобы тамъ отпраздновать свою побѣду. А тѣмъ временемъ въ Нижнемъ Новгородѣ Козьма Мининъ уже собиралъ казну, а князь Пожарскій войско, чтобы идти на освобожденіе Москвы отъ засѣвшаго тамъ отряда Поляковъ. Безъ всякой помѣхи Москва была освобождена, и собравшіеся въ Москву русскіе люди всѣхъ сословій избрали на царскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Русь была спасена, юному царю оставалось только залѣчивать раны, нанесенныя государству Смутнымъ временемъ.

Если бы не задержалъ Смоленскъ подъ своими стѣнами Сигизмунда на цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ, если бы паденіе его не отуманило радостью голову самолюбиваго короля, Москва, а съ нею и вся Россія погибла бы. Такимъ образомъ споръ о томъ быть или не быть русскому государству подъ польскимъ королемъ, разрѣшился подъ стѣнами Смоленска. Древній, многострадальный городъ палъ, но Русь этимъ была спасена.

На цѣлыхъ 43 года Смоленскъ подпалъ подъ власть поляковъ. Сигизмундъ починилъ проломы въ стѣнѣ, на мѣстѣ взорванной башни и двухъ сосѣднихъ съ нею велѣлъ сдѣлать земляную крѣпость съ пятью бастіонами; она и донынѣ зовется «Королевскою крѣпостью».

Всѣ Смоленскія церкви были обращены въ костелы; одна Надворотная икона Богоматери по прежнему, стояла на воротахъ города, и къ ней прибѣгали Смоляне съ молитвами въ эти бѣдственные дни. Въ Смоленскъ были назначены польскія власти, польская рѣчь стала вытѣснять русскую. Тяжело жилось Смолянамъ, и вотъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1633 г. посылаетъ подъ Смоленскъ съ великою ратью славнаго Шеина, уже вернувшагося изъ плѣна. Но крѣпко строены были стѣны Смоленскія. Хотя и взорвалъ Шеинъ одну круглую башню, вторую отъ Молоховскихъ воротъ, но не взялъ города. Скоро подошелъ къ Смоленску молодой польскій король Владиславъ, и сталъ тѣснить русскихъ. Завистники-бояре не прислали во время Шеину ни пороху, ни хлѣба, ни денегъ, ни войска; онъ засѣлъ съ своими истомленными полками въ окопахъ (гдѣ теперь деревня Шейновка),

а поляки съ сосѣднихъ горъ стали бить въ окопы пушками. Голодъ и болѣзни доконали русскихъ. Шеинъ сдался Королю съ условіемъ свободнаго пропуска его войска въ Москву. Изъ 100 тысячъ вернулось домой только 8 тысячъ человѣкъ. Бояре оклеветали Шеина въ измѣнѣ, и царь велѣлъ отрубить несчастному герою голову.

Прошло 20 лѣтъ. Новый Московскій царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 г. осадилъ Смоленскъ, билъ его стѣны пушками, но не могъ взять, [1]) пока истощенные граждане не сдались ему на полную его волю. Съ тѣхъ поръ Смоленскъ навсегда отошелъ къ Русскому государству.

IV.

Азовъ славенъ, Смоленскъ грозенъ.
Народная поговорка.

Начался XVIII вѣкъ. Царемъ на Руси былъ Петръ Великій. Онъ началъ войну со Шведами, чтобы отобрать у нихъ берега Балтійскаго моря. Но Шведскій король Карлъ XII разбилъ и Петра, и всѣхъ его союзниковъ и двинулся на Русь изъ Польши. Карлъ уже хва-

[1]) Впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ писалъ про крѣпкій Полоцкъ, что онъ „крѣпостію сынъ Смоленску—граду: ей! чрезъ мѣру крѣпокъ!“.

лился, что черезъ Смоленскъ онъ пройдетъ на Москяу и дастъ тамъ своимъ генералы роскошный обѣдъ. Но и Петръ не дремалъ. Шведы научили его, какъ нужно воевать и побѣждать. Онъ поспѣшилъ въ Смоленскъ, починилъ его стѣны и кругомъ укрѣпилъ городъ земляными крѣпостями или ретраншементами. На мѣстѣ Шеинова пролома насыпалъ бастіонъ, или крѣпость Ковалье; отъ Веселухи до Богословской башни сдѣлалъ валы съ палисадами, противъ воротъ устроилъ двойные валы, за Днѣпромъ гдѣ теперь базарныя площади насыпалъ «Новую землянуюкрѣпость» болѣе версты въ окружности. Петръ устраиваетъ въ Смоленскѣ въ башняхъ склады пороху, военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, присылаетъ сюда пушки, войска, отсюда все это доставляется русскимъ войскамъ которыя стоятъ на западной границѣ въ ожиданіи Карла. Петръ самъ втеченіе 1706 г.—1708 г. разъ десять посѣщаетъ Смоленскъ, [1]) распоряжаяся обороной границъ и продовольствіемъ войска. 28 іюля 1708 года Петръ, наконецъ, напалъ на отрядъ Швед-

1) Петръ любилъ Смоленскъ, такъ какъ въ немъ воспитывались въ Вознесенскомъ монастырѣ его мать царица Наталья Кирилловна Нарышкина.

скаго генерала Левенгаупта, при деревнѣ Лѣсной Могилевской губ., разбилъ его и отнялъ всѣ припасы, которые Левенгауптъ везъ для Шведскаго войска шедшаго подъ начальствомъ Карла. Этой побѣдой онъ разрушилъ всѣ планы Карла о походѣ на Москву чрезъ Смоленскъ, и Карлъ повернулъ на югъ, къ Полтавѣ. Петръ понялъ, что Москва спасена. Онъ вернулся въ Смоленскъ съ тріумфомъ: его гвардія торжественно вступила въ Молоховскія ворота, подъ звонъ колоколовъ и и громъ пушекъ. Шествіе открывалъ самъ царь; на Блоньѣ, гдѣ было тогда плацъ-парадное мѣсто, царя поздравляли войска и граждане съ побѣдой. Нѣсколько дней продолжалось празднество, и царь веселился отъ души. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Малороссію, и на слѣдующій годъ разбилъ тамъ Карла подъ Полтавой и взялъ въ плѣнъ все его войско. Война продолжалась и послѣ, но уже не въ Россіи, и кончилась отобраніемъ у Шведовъ балтійскихъ береговъ.

И на этотъ разъ Смоленскъ защитилъ Москву а съ ней и Россію, отъ угрожающей бѣды.

При Екатеринѣ II Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, и Смоленскъ изъ пограничнаго города превратился во внутренній. На него теперь

уже не обращали вниманія и крѣпость его не поддерживали, считая это не нужнымъ. Но судьба рѣшила иначе, и старыя стѣны Смоленскія еще разъ оказали Руси важную услугу, еще разъ спасли ее отъ бѣды.

V.

Смоляне всегда были храбры и тверды въ вѣрѣ.

Барклай-де-Толли.

Наступило XIX столѣтіе. Во Франціи неожиданно возвысился Наполеонъ... «Маленькій капралъ», какъ его называли, скоро сдѣлался генераломъ, а потомъ и Императоромъ Франціи. Въ самое короткое время онъ покорилъ почти всю Европу, кромѣ Россіи и Англіи, и, наконецъ, напалъ и на Россію. Безъ всякаго объявленія войны, онъ перешелъ 12-го іюня 1812 г. рѣку Нѣманъ, нашу границу,—и началась «Отечественная война». Наполеонъ велъ съ собою 600—тысячное войско почти изъ 20 народовъ Европы, нашъ же Государь Александръ I могъ выставить только 250 тысячъ; притомъ же наши войска были раздѣлены на 2 арміи, находившіяся далеко другъ отъ друга. Обѣ наши арміи стали отступать передъ Наполеономъ, чтобы соединиться въ

Витебскѣ. Но когда Наполеонъ опередилъ 2-ю русскую армію (южную), то рѣшено было соединиться подъ Смоленскомъ. И вотъ обѣ арміи направились къ Смоленску—1-я Барклая, отъ Витебска, а 2-я—Багратіона отъ Могилева. 22 іюля онѣ соединились подъ Смоленскомъ и пошли назадъ, разными дорогами, къ м. Руднѣ, чтобы встрѣтить Наполеона и дать ему сраженіе. Наполеонъ же пошелъ совсѣмъ не той дорогой, а гораздо южнѣе, по Краснинской дорогѣ. Невѣровскій, стоявшій здѣсь съ небольшимъ отрядомъ, дрался какъ левъ, отступая шагъ за шагомъ, но конечно удержать всю Наполеоновскую армію онъ не могъ, и Наполеонъ подошелъ къ Смоленску, т. е. оказался въ тылу русскихъ армій, обошелъ ихъ. Обѣимъ нашимъ арміямъ предстояла погибель: Наполеонъ легко могъ съ тылу разбить ихъ по одиночкѣ, если бы онѣ не успѣли соединиться и отступить впередъ, къ Москвѣ. На соединеніе же требовалось не меньше двухъ дней. И вотъ эти-то два дня, за которые мы могли поплатиться потерею обѣихъ армій, а слѣдовательно и Россіи, и дали намъ старыя Смоленскія стѣны.

Чтобы задержать подъ Смоленскомъ Наполеона, въ Смоленскъ поспѣшно былъ посланъ отъ 2-й

арміи, стоящей у с. Надвы. 7-й корпусъ генер. Раевскаго въ 15 тысячъ. Въ лунную ночь на 4 августа, подъ Воскресенье, въ то самое время, когда Наполеонъ новевалъ уже на Архіерейской дачѣ на Новомъ Дворѣ, Раевскій разставилъ своихъ солдатъ въ Слободахъ, по стѣнѣ и на Королевскомъ бастіонѣ. Съ зарей 4-го августа Французы пошли къ Смоленскимъ стѣнамъ въ атаку. Маршалъ Ней двинулъ свои войска на Свирскую и Солдатскую слободы. Выставивъ свои батареи возлѣ д. Чернушекъ, онъ пустилъ войска въ атаку Какъ муравьи полѣзли французы черезъ ровъ къ Королевскому бастіону. Генералъ Паскевичъ, защищавшій его, поставилъ своихъ солдатъ у подошвы бастіона, во рву и велѣлъ палить съ бастіоновъ изъ пушекъ. Французы прошли ядра, прошли картечь и стали взбираться на покатость у бастіона. Наши солдаты бросились въ рукопашную и опрокинули ихъ въ ровъ. Это повторялось нѣсколько разъ, пока французы не прекратили атакъ и, стоя по ту сторону Чуриловскаго оврага, только перестрѣливались съ нашими.

Жаркій бой происходилъ у Всесвятской церкви въ Солдатской слободѣ, но и здѣсь наши артиллеристы картечью прогнали французовъ назадъ.

Послѣ этого вся французская армія окружила городъ. Полки французскіе разсыпались въ стрѣлки. Въ промежуткахъ цѣлыя батареи стрѣляли въ стѣны ядрами. Канонада и стрѣльба продолжались до ночи, когда французы отступили на свои позиціи.

Въ этотъ день около полудня подошла къ Смоленску наша 2-я армія и стала надорогѣ къ Москвѣ. Къ вечеру пришла и 1-я армія и стала на высотахъ праваго берега Днѣпра.

Ночью на военномъ совѣтѣ рѣшено было, чтобы 2-я армія отступала къ Соловьеву перевозу по Московской дорогѣ, а первая стояла на мѣстѣ, прекрывая отступленіе; для защиты же Смоленска на мѣсто утомленныхъ солдатъ Раевскаго назначенъ былъ корпусъ Дохтурова и дивизія Невѣровскаго. До 30000 солдатъ съ 180 орудіями были размѣщены въ ночной тишинѣ по тѣмъ же мѣстамъ гдѣ стояли отряды Раевскаго. Въ 3 час. утра 5 августа началась перестрѣлка. Ней шелъ противъ Свирской Слободы, Даву противъ Молоховскихъ воротъ, Понятовскій противъ Никольскихъ и кавалерія Мюрата противъ Рачевке. Дохтуровъ изъ Молоховскихъ воротъ дѣлалъ вылазки и прогонялъ французовъ за Слободу. Такъ

продолжалось до 3 часовъ. Когда Наполеонъ замѣтилъ, что 2-я наша армія пошла по Московской дорогѣ, онъ понялъ, что русскіе его обманули что они и не думали давать ему генеральное сраженіе, а лишь старались выиграть время для отступленія. Въ гнѣвѣ онъ велѣлъ штурмовать городъ. Въ 3 часа дня изъ бивуака Наполеона взвилась ракета, и ядера, гранаты изъ 250 орудій, и тысячи пуль посыпались на городъ, а французы тучами двинулись на приступъ. Наши драгуны въ безпорядкѣ вбѣжали въ Молоховскія ворота. Ней овладѣлъ Свирской Слободой, а Понятовскій зажегъ Рачевку и Офицерскую слободу; его солдаты изъ Рачевки пробовали лѣзть на стѣны, но не имѣя лѣстницъ, должны были отступить. Даву двинулся на Молоховскія ворота, и наши войска изъ слободы отступили въ крѣпость. Дохтуровъ послалъ къ Барклаю за Днѣпръ просить помощи; Барклай посовѣтовалъ мужаться. Въ 5 час. французы едва не овладѣли Молоховскими воротами, но подоспѣла помощь, и русскіе выбѣжавъ за стѣну, выгнали французовъ изъ крѣпостного рва. Также были отбиты атаки и въ другихъ мѣстахъ. Многіе горожане принимали участіе въ

сраженіи, подавая солдатамъ ядра и унося раненыхъ въ городъ. Женщины, не боясь ядеръ, приносили утомленнымъ солдатамъ ведрами воду. Одигитріевскій священникъ о. Никифоръ Мурзакевичъ съ своимъ 12 лѣтнимъ сыномъ Иваномъ обходилъ за стѣною во рву раненыхъ и причащалъ ихъ Св. Таинъ.

Въ 7 час. вечера французы снова бросились на штурмъ и опять безъ успѣха. Тогда Наполеонъ велѣлъ зажечь городъ разрывными бомбами, и Смоленскъ запылалъ въ огнѣ.

«Я видѣлъ ужаснѣйшую картину, говоритъ очевидецъ, я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Утомленный ратоборствомъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Златѣи тотчасъ же исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненныхъ ядеръ, полетѣли на дома, башни, магазины, церкви. И дома, и башни, и церкви обнялись пламенемъ, все,—что можетъ горѣть, запылало... Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя горы, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣна съ

воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце! Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ раненными... Въ глубокіе сумерки вынесли изъ города икону Смоленской Божіей Матери... Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщалъ оное.

Между тѣмъ чернобагровое облако дыма повисло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту къ мраку и ужасъ къ ужасу».

Въ 9 ч. канонада смолкла, и наступившая зловѣщая тишина еще болѣе усиливала ужасъ. Пламя пожара подымалось столбомъ къ верху, и Наполеонъ издали любовался картиной, сравнивая ее съ изверженіемъ Везувія.

Въ эту же ночь русскія войска вышли изъ города и вынесли съ собой Надворотную икону Богоматери. За войсками бѣжали въ страхѣ толпы жителей, не зная сами куда, не зная, что съ ними будетъ.

На утро 6-го августа, въ Спасовъ день, фран-

цузы не безъ опасенія вошли въ опустѣвшій Смоленскъ. Наполеонъ въѣхалъ въ Никольскія ворота. Отдохнувъ въ домѣ, гдѣ теперь живетъ ректоръ семинаріи, онъ отправился въ Надворотную церковь и съ балкона ея наводилъ двѣ пушки по нашимъ отступавшимъ войскамъ. 7-го августа онъ заѣхалъ въ соборъ. Пораженный его величіемъ гордый завоеватель снялъ шляпу; его примѣру послѣдовала и его свита. Свящ. Мурзакевичъ упросилъ Наполеона приставить къ собору часового, и соборъ былъ спасенъ отъ разграбленія.

Геройская оборона Смоленска смутила Наполеона, и онъ впервые заговорилъ о мирѣ, пославъ съ этою цѣлію изъ Смоленска къ государю генер. Тучкова. Черезъ 4 дня Наполеонъ отправился впередъ, къ Москвѣ. Но наши арміи уже соединились и отступали вмѣстѣ. На Бородинскомъ полѣ русскія войска, воодушевленныя присутствіемъ въ ихъ рядахъ Смоленской Надворотной иконы Богоматери, которую передъ битвой носили по лагерю, отразили всѣ атаки французовъ, и здѣсь только Наполеонъ понялъ всю силу русскаго духа; тяжелое предчувствіе закралось въ его сердце.

Между тѣмъ въ Смоленской губерніи началась

народная война. Всѣ сословія вооружились на врага. Подполк. Энгельгардтъ и кол. ас. Шубинъ, предводительствовавіше партизанами, попались французамъ въ плѣнъ. Они отвергли предложеніе перейти на службу Наполеону, и были разстрѣляны. «Русскіе умѣютъ умирать за отечество, сказалъ Энгельгардтъ, и не привыкли быть рабами иноплеменника». Передъ казнью ему хотѣли завязать глаза. Сбросивъ повязку, онъ сказалъ: «русскій смерти не боится»! Его разстрѣляли за Молоховскими воротами въ крѣпостномъ рву, а Шубина за Свирской церковью.

Черезъ 2 мѣсяца по взятіи Смоленска Наполеонъ съ своею голодной арміей бѣжалъ уже обратно и 28 октября вошелъ чрезъ Днѣпровскія ворота въ Смоленскъ пѣшкомъ; по обледенѣлой дорогѣ, безъ всякой торжественности. Смоленскъ по прежнему былъ пустъ; холодъ и голодъ и здѣсь ожидали его армію. Взбѣшенный завоеватель велѣлъ взорвать стѣны рокового для него города и оставилъ его, чтобы бѣжать дальше. Въ ночь на 5-е ноября 9 башенъ Смоленскихъ взлетѣли на воздухъ, а изъ подъ остальныхъ фитили были вынуты подоспѣвшими русскими егерями. На слѣдующій день 5-го ноября 1812 г.

послѣдніе французы ушли изъ Смоленска, и только на улицахъ его бродили голодные несчастные отсталые солдаты, кутаясь отъ холода въ ризы, стихари, женскія кацавейки и еврейскіе балахоны.

10-го ноября вернулась въ Смоленскъ изъ арміи Надворотная икона Богоматери. Съ любовью и радостію встрѣтили Смоляне Небесную Заступницу и съ благоговѣніемъ повторяли знаменательныя для Смоленска и русской арміи слова Евангелія: «Пребысть же Маріамь съ нею яко 3 мѣсяцы и возвратися въ домъ свой». Понемногу стали возвращаться въ городъ и бѣжавшіе жители.

Минуло разоренье Но Смоленскъ долго лежалъ въ развалинахъ и, не смотря на отпущенныя казной милліоны, не могъ оправиться отъ него до самаго послѣдняго времени, когда онъ снова сталъ на перекресткѣ торговыхъ дорогъ, но уже не водныхъ а желѣзныхъ.

Такимъ образомъ, и въ XIX вѣкѣ, Смоленскъ снова, въ третій разъ, спасъ Россію отъ гибели, хотя для этого и погибъ самъ, какъ въ 1611 г. Старыя Годуновскія стѣны сверхъ ожиданія вновь

сослужили Руси свою великую службу и, на этотъ разъ дай Богъ, послѣднюю!

Послѣ 12 года Смоленская стѣна была совсѣмъ заброшена и постепенно разрушалась. Изъ военнаго вѣдомства ее въ 1844 г. передали въ гражданское, которое постановило разобрать 3 башни и стѣну на протяженіе болѣе версты. Но не успѣли разобрать и 30 саженъ, какъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, на докладѣ объ этомъ Министра 7 іюня 1868 г. написалъ слѣдующія достопамятныя строки:

«Смоленская городская стѣна, представляющая собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Отечественной исторіи, назначена къ сломкѣ. Было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе».

Эти слова Великаго Государя Русскаго должны быть твердо запечатлѣны въ сердцѣ каждаго природнаго Смолянина.

Слово царя—законъ. Въ силу этого разборка Смоленской стѣны была немедленно остановлена, и стѣна была передана въ вѣденіе сначала земства, а съ 1889 г.—Высочайше утвержденной комиссіи по охраненію Смоленской стѣны.

На поддержаніе стѣвы правительствомъ отпускается 4 тысячи ежегодно, и благодаря этому она еще надолго будетъ служить живымъ памятникомъ пережитыхъ Смоленскомъ невзгодъ.

Глядя на эти древнія стѣны, полуразрушенныя, избитыя вражескими ядрами, облитыя потомъ и кровью защитниковъ Смоленска и русскаго государства, намъ остается, лишь поставить себѣ священнымъ долгомъ 1) изучать прошлое своей родины и съ любовію вспоминать великія и скорбныя годины бѣдствій, постигавшія Русь и нашъ родной Смоленскъ; 2) добрымъ словомъ поминать своихъ доблестныхъ предковъ и защитниковъ Смоленска, умиравшихъ на этихъ стѣнахъ за свою вѣру, царя и отечество, и у нихъ учиться любить и уважать свою родину; 3) а многострадальную стѣну Смоленскую беречь какъ свою святыню, чтобы не посмѣялись надъ нами сосѣди наши, бережно хранящіе остатки своей старины и не укорили насъ въ черной неблагодарности къ этому «дорогому ожерелью Руси», составляющему и до нынѣ нашу гордость и славу.

Перечень башенъ и проломовъ.

1. **Днѣпровская** съ проѣзжими воротами, наз. Фроловскими и Царскими. Имѣла 13 саж. въ высоту и была очень красива. Снаружи къ ней придѣлана была полубашня, передъ которой устроенъ былъ до Днѣпра трехсторонній валъ съ палисадомъ. Пострадала при осадѣ Поляками въ 1611 году и Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г. Въ 1729 г. на мѣстѣ ея верхняго этажа устроена деревянная церковь, куда была поставлена Надворотная икона Богоматери. Нынѣшняя Богоматерская церковь построена въ 1795—1811 г. Здѣсь уцѣлѣлъ балконъ, съ котораго Наполеонъ наводилъ пушки по русскимъ войскамъ. Въ 1812 г. была обращена французами въ хлѣбный магазинъ. Проломъ на шоссе сдѣланъ въ 30-хъ годахъ при проведеніи Троицкаго шоссе.

2. *Городецкая круглая*, или Воскресенскія водяныя ворота. Возлѣ нея къ Днѣпру была зем-

ляная крѣпость до Иворовской башни. Башня взорвана въ 1722 г. 8 іюля по неосторожности часового, охранявшаго пороховой погребъ подъ нею. Проломъ задѣланъ кирпичемъ подъ лицо со стѣною и укрѣпленъ быкомъ. Возлѣ него— Оленева труба, въ которую течетъ ручей изъ древняго Смолигова колодца.

3. **Воскресенская** 4-хъ угольная. При Екатеринѣ въ ней была тюремная церковь св. Николая Чудотворца, а возлѣ—острогъ, отъ котораго сохранилось одно зданіе съ кузницей Ремесл. уч. Башня взорвана въ 1812 г., возстановлена съ церковью въ 1816 г. Теперь въ ней церковь св. Тихона Задонскаго, устроенная въ 1865 г.

4. *Иворовская* круглая, взорвана въ 1812 г. Проломъ, возлѣ котораго старинный Пушкарскій колодезь.

5. *Пятницкія ворота*—4-хъ угольная б. Пострадала отъ Поляковъ въ 1611 г. Въ 1803 г. разобрана. Пятницкій проломъ, возлѣ него Пятницкая водяная труба.

6. *Микулинская* круглая. Пострадала отъ Польской батареи надъ Ковальской улицей, потомъ

была возстановлена; взорвана въ 1812 г. Проломъ по Казанской горѣ.

7. *Богословская*—судьба ея одинакова съ Микулинской. На мѣстѣ ея проломъ у Нѣмецкаго кладбища. Стѣна здѣсь разобрана горожанами при губернаторѣ Храповицкомъ въ 20-хъ годахъ.

8. *Безымянная* 4-хъ угольная, взорвана въ 1812 году. Казанскій проломъ.

9. *Коломинская*, или Шеинова, круглая. Здѣсь защищался Шеинъ въ 1611 г. Разобрана въ 1830 г. при губ. Хмѣльницкомъ. Осталось лишь предверіе вровень со стѣною.

10. **Гуркина** 4-хъ угольная, по имени мастера Гура Вахромѣева, чинившаго стѣну въ 1692 г. Стоитъ возлѣ Лопатинскаго сада.

11. *Грановитая*, взорвана поляками 21 ноября 1610 г. стояла противъ катка Лопатинскаго сада. На мѣстѣ ея поляками построена стѣна.

12. *Четыреугольная*, разобрана полякаии при устройствѣ бастіона. Стояла посрединѣ. Лопатинскаго сада. [1]).

---

[1]) Садъ устроенъ губернаторомъ Лопатинымъ въ 1874 г. Въ немъ виденъ одинъ изъ 4-хъ бывшихъ тайниковъ и остатки каве-

13. *Круглая б.*, разобрана съ предыдущею. Стояла противъ театра, у колѣна стѣны. Вмѣсто этихъ башенъ поляками насыпанъ пятиугольный бастіонъ. За нимъ видны Петровскіе валы и ретраншементы, а передъ нимъ, въ городѣ, памятникъ 12 года, открытый въ 1841 г.

14. **Копытенская** или Копысскія ворота, были задѣланы во времена Екатерины. Башня въ Пушкинскомъ саду. Въ ней губернскій архивъ. Пострадала въ 1611 г.

15. **Бублейка**, малая 4-хъ угольная, противъ Губернаторскаго сада.

16. **Громовая** или Тупинская, круглая. Возлѣ Губернаторскаго пролома. Въ ней губ. архивъ. и бойницы превращены въ широкія окна. Проломъ сдѣланъ на мѣстѣ Ильинской форточки много спустя послѣ 12 года. Расширенъ въ 1870 г. Отъ Копытецкой до Громовой башни тянется древній городской валъ.

17. **Донецъ** 4-хъ угольная, за земствомъ. Архивъ.

18. *Кассандаловскпя* круглая. Взорвана въ 1812 году. Проломъ.

матовъ, гдѣ содержались при Екатеринѣ польскіе конефдераты, а при Николаѣ I—мятежники. На развалинахъ одного каземата начертанон имя узника: «кабог раддо».

19. *4-хъ угольная малая.* Взорвана въ 1812 году Проломъ возлѣ памятника Энгельгардта и Шубину, постановлоннаго въ 1835 году на могилѣ Энгельгардта. Оба пролома засыпаны валомъ и ограждены были заборомъ въ 30-хъ годахъ. Стѣна здѣсь избита ядрами.

20. **Молоховскія ворота**, вели въ древнюю Молоховскую волость. Укрѣплены были землянымъ бастіономъ съ мостомъ черезъ ровъ. Взорваны 1812 г. Въ 1833 г. основана въ память милостей, городу Николая I церковь во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы, въ честь иконы Благовѣщенія, стоявшей до 1812 г. надъ воротами и найденной въ мусорѣ невредимой послѣ взрыва. Тогда же срытъ и бастіонъ.

21. **Моховая** 4-хъ угольная, возлѣ бульвара Сосновскаго. Архивъ.

22. *Грановитая*, взорвана Шеинымъ въ 1633 году. На мѣстѣ ея земляная «крѣпость Ковалье» насыпанная и укрѣпленная Петромъ I. Теперь называется Шейновымъ бастіономъ.

23. *Антифоновская*, круглая, разбита была до половины Шейновскими батареями отъ офицерской слободы. На мѣстѣ ея Лебедевскій проѣздъ, устроенный въ 1819 году.

24. **Евстафьовская** или Брикарева круглая. Пострадала съ предыдущей въ 1634 г. Въ 1896 году въ ней устроенъ водонапорный бакъ городскаго водопровода. Въ предверіи къ ней много слѣдовъ старины. Стѣна разобрана послѣ 1889 года. «Особой Коммисіей по охраненію стѣны», въ видахъ общественной безопасности. Древніе земляные валы въ 90-хъ годахъ проданы городомъ на сносъ съ разрѣшенія Министерства.

25. **Еленскія или Никольскія ворота**, надъ ними съ 1602 года стояла икона Спасителя, хранящаяся теперь въ Архіерейской усыпальницѣ въ Соборѣ. Пострадали въ 1812 г. Названы Никольскими въ память храма, стоявшаго возлѣ нихъ въ городѣ, сгорѣвшаго въ 1812 г. Въ 1898 г. ворота закрыты, а сосѣдняя калитка расширена для проѣзда.

26. **Зимбулка,** малая 4-хъ угольная.

27. **Долгочевская** или Шембелева, круглая.

28. **Воронина**, малая 4-хъ угольная. Противъ казармъ.

29. **Заалтарная круглая.** Стояла за алтаремъ деревянной церкви, построенной преп. Авраміемъ въ XIII в. и сохранявшей его мощи. Сожжена

въ 1611 г. Башня подверглась первому штурму поляковъ 23 сентября 1609 г. Противъ нея—остатки Шейновскихъ батарей и траншей (апроши Фокса).

30. **Авраамiевскiя ворота**, заложены кирпичемъ Въ башнѣ губ. архивъ. Сосѣдняя форточка на Рачевку заложена недавно.

31. **Орелъ**, круглая башня, называвшаяся раньше и Веселухой. Ниже ея, на полугорѣ къ Рачевкѣ—«Орлово земляное укрѣпленiе», къ которому Шеинъ дѣлалъ приступъ 25 дек. 1632 г. Изъ башни велъ къ Рачевскому озеру подземный ходъ, въ которомъ при Екатеринѣ скрывались грабители и фальшивые монетчики. (Смотри романъ «Башня Веселуха»).

32. **Познякова**, или Роговка, 4 угольная малая. До нея отъ Орла—земляной валъ по краю оврага. Въ 1633 г. къ ней ведена минная галлерея изъ стана Карла Якова на Рачевкѣ, остатки ея видны у подошвы башни.

33. **Веселуха**, раньше Лучинская. Пострадала отъ Шейновскихъ пушекъ. Въ 1870 г. отдѣлана на 4 тысячи—жертву г. Варшавскаго, строителя Московско-Брестской жел. дороги, покупавшаго щебень отъ стѣны.

34. *Стефанская,* или Голышевская, 7 угольная. Взорвана въ 1812 г. Покровскій проломъ.

35. *Крылошевскія* ворота съ землянымъ равелиномъ. Взорвана въ 1611 г. Разобрана въ 1782 г. по ветхости. Проломъ у второй части на Рачевку, сдѣланный послѣ 1812 г.

36. **Кастыревская** круглая. Разобрана по ветхости въ 1833 г. для устройства каменнаго моста черезъ Днѣпръ. Въ 1834 г. устроена на ея мѣстѣ Красная или Пороховая башня, стоившая до 200, 000 р. Въ ней военный архивъ. Находится у водопровода.

37. *Лазаревскія* ворота. 4 угольная башня. Взорвана въ 1812 г. Стояла противъ депо Трамвая. Стѣна разобрана при губерн. Хмельницкомъ и раньше при баронѣ Ашѣ.

38. **Семенская, или Волкова.** Разобрана около 1836 г., возстановлена въ 1877 г. для судебнаго архива. Отъ нея до Днѣпровскихъ воротъ на стѣнѣ сохранились столбы, поддерживавшіе крышу.

Всего существуетъ теперь 19 башенъ, изъ которыхъ только 16 Годуновскихъ. Кромѣ башенъ 2 Надворотныхъ церкви—Богоматерская и Верхне-Благовѣщенская.

Слѣдуетъ читать:

Стр **5** — звону, **7** — живутъ, **8** Борисоглѣбскаго, **10** - 1224, **12** — католики, **13** — требованію, **16** — зубцовъ, **27** — генераламъ, — Сентября, **28** — веселился, **30** - поспѣшно, **31** — ночевалъ, **33** — ядра, **38** — отпущеннные, **39** — исторіи, **43** — поляками, **44** — превращены, **44** — конфедераты, — начертано. **45** — поставленнаго, **46** — Евстафьевская.